

М. Куделя

Десять арестов Исаака Г.

Максим Куделя

Десять арестов Исаака Г.

«Издательские решения»

Куделя М. В.

Десять арестов Исаака Г. / М. В. Куделя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833717-8

В очерке рассказывается о судьбе Исаака Григорьевича Гольдберга (1886—1937) — иркутского писателя и общественного деятеля (видного члена партии социалистов-революционеров, редактора газеты «Сибирь»).

ISBN 978-5-44-833717-8

© Куделя М. В.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь в книгах	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Десять арестов Исаака Г. Максим Викторович Куделя

© Максим Викторович Куделя, 2016

ISBN 978-5-4483-3717-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

15 апреля 1937 года Исаака Григорьевича Гольдберга, известного иркутского писателя и общественного деятеля, автора многочисленных повестей и рассказов, чьи произведения и творчество были осуждены положительными отзывами самого Максима Горького, арестовали.

Это был далеко не первый арест в его жизни, хотя и после большого – 16-летнего – перерыва, но на этот раз он оказался последним. Проведя больше года в заключении, 22 июня 1938 Гольдберг был расстрелян. Именно «в заключении», а не «под следствием», так как уже 20 мая 1937 года, «Восточно-Сибирская правда» писала:

«На состоявшемся 11—12 мая совещании молодых начинающих писателей Восточной Сибири подверглась резкой и заслуженной критике работа областного правления союза советских писателей. До недавнего времени в нашей областной писательской организации видную роль играли писатели Гольдберг и Петров и поэт Балин... Теперь эти литературные „корифеи“ разоблачены, как враги народа»¹.

В цитируемой статье П. В. Михайлова грехи «корифея» заключались в развале писательской организации и очернении советской действительности. Однако, тот факт, что на момент ареста Исаак Григорьевич был «старейшиной сибирской литературы», в его деле уложился в два слова: «профессия – писатель». А инкриминировалось ему НКВД: руководящая роль в рядах «повстанческой эсеровской организации», смычка с «правотроцкистской организацией» Восточной Сибири, поставка секретных сведений японской разведке и, главное, подготовка покушения на жизнь члена ЦК ВКП (б), наркома путей сообщения Л. М. Кагановича во время его пребывания в Иркутске в феврале 1936 года.²

Среди этого нагромождения обвинений, обычными и единственными доказательствами для которых в те годы выступало «чистосердечное признание» самого обвиняемого, было одно, с которого все и началось – Гольдберг действительно когда-то был эсером. Причем, не рядовым членом партии социалистов-революционеров (ПСР), а одним из видных представителей ее правого крыла, активным противником октябрьского переворота.

Жизнь его довольно резко делилась на до и после 1920 года. Рубеж этот, проложенный входом 5-й красной армии в Иркутск, перечеркнул всю его деятельность как политика, старого (еще со времен Плеве) революционера и публициста-общественника, оставив только литературный «побег», так буйно разросшийся в советское время и сломанный одним бездумным взмахом двигавшейся по стране репрессивной машины 37-го года.

¹ Михайлов П. В // Восточно-Сибирская правда, 1937, 20 мая (№115), С. 3.

² Подробнее см.: Семенов А. История одного «терРакта» // Восточно-Сибирская правда, 1992, 30 мая (№97—98), С. 14.

ЖИЗНЬ В КНИГАХ

При аресте Гольдберга был изъят и, к огромному сожалению позднейших исследователей его жизни и творчества, исчез личный архив. Поэтому не удивительно, что биографические работы о нем известных историков сибирской литературы Н. Н. Яновского, В. П. Трушкина³ и, особенно, П. В. Забелина⁴ во многом строятся на воспоминаниях современников и уделяют особенно большое внимание анализу произведений и объяснению поступательного развития Гольдберга именно как художника слова. В общем-то, можно сказать, что такое направление задал сам Исаак Григорьевич, опубликовав в 1933 году статью «Биография моих тем»⁵.

Однако, среди детального разбора рассказов, повестей, романов и даже в составленных при его жизни и после реабилитации библиографиях мы не найдем множества рассказов, которые печатались в дореволюционных либеральных газетах и не вписывались в схему творческой эволюции автора на пути к соцреализму. Естественно, нет никакого анализа его публицистических выступлений того периода, за исключением статей в «Забайкальской нови» в 1907 году, связанных с описанием положения пролетариата. Все это понятно и объяснимо. Однако, есть еще одно произведение, не то чтобы пропущенное критикой, но явно обделенное ее вниманием. Речь идет о последнем романе писателя «День разгорается», посвященном событиям революции 1905 года в Сибири.

³ Вехи творчества // Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981. С.181—218.

⁴ Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 171 с.

⁵ Гольдберг И. Биография моих тем // Будущая Сибирь, 1933, №3, С. 35—44.

Книга вышла в Иркутском ОГИЗе самом начале 1936⁶ года довольно значительным тиражом – 10 тысяч экземпляров. В планах издательства на 1937 было второе ее издание⁷, однако после вскоре последовавшего ареста и «разоблачения врага народа» ни о каких переизданиях речь идти уже конечно не могла. Более того, все книги Гольдберга, имевшиеся в библиотеках и книготорговых точках, изъяли. Что-то закрыли в спецхран, а там, где его не было (а не было его практически нигде), наверное, просто списали. Например, в спецфонд Иркутской областной библиотеки по акту от 8 декабря 1938 поступило всего лишь 12 наименований (24 экземпляра) его книг⁸, среди которых романа «День разгорается» не было. Не сохранилось этой книги и в научной библиотеке Иркутского государственного университета. На сегодняшний день она является настоящей библиографической редкостью⁹.

В период «возвращения имен», когда скромно указывали даты смерти «незаслуженно забытых» деятелей культуры, но не называли причин этих смертей, обычно ограничивались переизданием различных сборников «Избранного» или смешанных антологий, например, в серии «Библиотека сибирского романа». Творческое наследие Гольдберга в конце 50-х – 80-е годы восстанавливалось довольно активно, однако, больше внимания конечно уделялось его «тунгусским» и «партизанским» рассказам и, конечно, «производственным» вещам, таким как «Поэма о фарфоровой чашке» – про Хайтинский завод – или «Сладкая полынь» – про сибирскую деревню периода НЭПа (в 1968 г. она даже вышла в ГДР на немецком языке¹⁰). Потом случилась перестройка – открыто писать начали про репрессии, а вот переиздавать, наоборот перестали – стало не до того.

Роман «День разгорается» переиздан не был, хотя, например, в 1970 г. группа известных иркутских деятелей науки и культуры (Ходос, Патрушев, Крамова, Лебединский, Рогаль, Хороших, Кротов, Лосев, Седых, Зонов, Кудрявцев, Боскарев и еще двадцать подписей) в открытом письме прямо указывала:

«Вызывает немалое удивление, что роман Исаака Гольдберга „День разгорается“, посвященный событиям 1905—1907 годов в Иркутске, не переиздавался с 1935 года. А ведь в нем художественно, правдиво, с марксистско-ленинской точки зрения изображается один из этапов революционного движения в нашем городе. Изображается очевидцем и горячим участником этих событий, писателем высокого интеллектуального уровня... Настало время серьезно подумать всей общественности о восстановлении литературного наследия заслуженного писателя, нашего земляка Исаака Григорьевича Гольдберга. Произведения его необходимы и в наше время для воспитания молодого поколения в духе советского гуманизма»¹¹.

⁶ В выходных данных указан 1935 год, однако книга была подписана к печати лишь 19 декабря 1935 и увидела свет уже в 1936. См. в «Восточно-Сибирская правда», 1936, 22 янв. (№18), С. 3: «На днях выходит из печати отдельным изданием большой роман Ис. Гольдберга „День разгорается“».

⁷ Что будет издано в будущем году // Вост.-Сиб. правда, 1936, 15 дек. (№288), С. 4.

⁸ Полищук Ф. М. Книги горькой правды. Иркутск, 2008. С. 35.

⁹ Согласно сводному электронному каталогу библиотек России ее экземпляры хранятся только в Российской государственной и Российской национальной библиотеках, библиотеке Северо-Восточного университета в Якутске, и Самарской областной библиотеке (чьи, любезно предоставленные, скан-копии и приводятся в качестве иллюстрации в данной работе).

¹⁰ Goldberg, Isaak G. Süsler Wermut: Erzählungen / [Aus d. Russ. übers. von Werner Creutziger. Die Erzählung Weiberkummer übers. Gottfried Kirchner]. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1968. 265 s.

¹¹ Мамаева К., Мутин В. Повесть о писателе Гольдберге // Знамя коммунизма, 1970, 14 янв., С. 3.

Роман писался долго – пять лет (1930—1934) – и первоначально печатался на страницах журнала «Новая Сибирь» за 1935 год¹². Конечно, это прежде всего художественное произведение. Причем созданное не «вольным художником» свободным от условностей, накладываемыми высоким общественным статусом, а «старейшиной сибирской литературы», «мэтром», который не мог не оглядываться на критику и не отдать дань правильной расстановке акцентов в изображении событий тридцатилетней давности. Что он и сделал:

«осудил антинародный характер деятельности эсеров, создал образы революционеров, неуклонно и мужественно проводивших политику большевистского III съезда РСДРП»¹³.

И конечно же, это произведение автобиографическое. Гольдберг вообще не брал тем «с потолка». Все, о чем он писал – выросло из личного опыта – будь то рассказы о быте эвенков или байки уголовников¹⁴. А если этого опыта не хватало, тогда он погружался в тему намеренно. Так было, например, в случае с «Поэмой о фарфоровой чашке», для написания которой ему пришлось пожить в Хайте, или с «Главным штреком», написанным по результатам творческой командировки в Черемхово.

Однако, случай с романом «День разгорается», конечно отличается от приведенных примеров несомненно более значительной личной вовлеченностью автора в описываемые им события.

Жена писателя – Любовь Ивановна Исакова – в 60-е вспоминала:

¹² Новая Сибирь, 1935, №№1, 2, 4, 5, 7, 8, 9.

¹³ Яновский Н. Жизнь начинается снова // Ангара, 1960, №4, С. 137.

¹⁴ Гольдберг И. Блатные рассказы // Сибирские огни, 1926, №1—2, С.102—122.

«В период его работы над романом... походы по городу были особенно часты. Они были необходимы ему для зарисовки обстановки, в которой происходили изображаемые события. Частенько И. Гольдберг работал в архиве, в научной библиотеке, знакомился с документами полиции и жандармерии, читал газеты и журналы тех лет, разыскивал фотографии участников. Для воссоздания обстановки на улицах... приходилось ходить или ездить на извозчике в разные концы города, в бывшее... предместье, где были Кузнечные ряды, где строились баррикады, в железнодорожное депо, где происходили митинги, собрания рабочих, бывал в солдатских казармах и во многих других местах»¹⁵.

Возможно, что эти походы и поездки по Иркутску были вызваны желанием не столько «воссоздать», сколько вспомнить. При этом Гольдберг не слишком старался «обезличить» свои воспоминания при переводе их в художественную форму. Условный неназываемый «губернский город» – это конечно же Иркутск. И хотя автор в основном избегал деталей в его топонимике и топографии, вот это, к примеру, описание, говорит само за себя:

«Главная улица тянулась от реки до реки. По главной улице в праздничные дни, в послеобеденное время, красуясь щегольскими выездами, прокатывались купцы... Одним концом главная улица упиралась в быстроводную студеную реку с широкой набережной, поросшей летом густой травой. ... Другим концом главная улица упиралась в мост через суматошную речку, летом почти пересыхавшую до самого дна, а осенью и весной выходящую из берегов и затопляющую домишки Спасского предместья. В Спасском предместье ютились десятки мыловаренных и кожевенных заводов и заводиков. По эту сторону речки, глядясь окнами на Спасское предместье, расселись кузнечные ряды»¹⁶.

Довольно прозрачных реальных прототипов имеют и многие герои романа: редактор газеты «Восточные вести» Пал Палыч Иванов это редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов; доктор Вячеслав Францевич Скудельский и фармацевт Сойфер – меньшевик и впоследствии депутат II Государственной Думы В. Е. Мандельберг; еврейский купец Вайнберг – И. М. Файнберг; пристав III полицейской части Петр Евграфович Мишин – одиозный для Иркутска пристав III части Щеглов, обвинявшийся в организации погромных черносотенных банд «рабочедомцев»; начальник гарнизона генерал Сеницын – начальник Первой Запасной Бригады, генерал-майор Ласточкин; граф Келлер-Загорянский – барон Меллер-Закомельский и так далее. Интересно, что некоторые из этих прототипов на момент выхода книги были живы и даже, возможно, могли его прочитать (если не Мандельберг, находившийся в эмиграции, то Попов, как раз в эти годы активно занимавшийся своими мемуарами).

Событийная канва также довольно точно привязана к Иркутску периода конца октября 1905 – начала января 1906 годов. Знаменитое побоище у дома Кузнеца (в романе именуемого «железнодорожным собранием»), убийство А. М. Станиловского в ресторане «Россия» (в романе – «Метрополь»), деятельность дружин самообороны, стачка почтово-телеграфных служащих, солдатская забастовка – все это есть в романе и именно в той последовательности, в которой они и происходили в городе. Лишь в финале автор отступает от в общем последовательного изложения иркутских событий и вводит сюжет одновременного прибытия в город двух карательных экспедиций – графа Келлер-Загорянского (Меллер-Закомельского) с запада и генерал-майора Сидорова (Ренненкампа) с востока, с последовавшими

¹⁵ Мутин В. Н. Сибирский корень // Сибирский библиофил. Вып. 1, 1988, С. 225.

¹⁶ Новая Сибирь, 1935, №1, С. 16.

расправами над революционерами. Здесь под видом «губернского города», конечно выведен конец «Читинской республики» и публичная казнь пятерых активных революционеров в Верхнеудинске 12 февраля 1906 года. Реальному концу волнений в Иркутске явно не хватало драматичности – в роман попал лишь сюжет с арестом в новогоднюю ночь нескольких сотен горожан.

В общем роман интересен. Пусть это не хроника и что-то в нем затушевано, а что-то выпячено или вовсе придумано, но атмосфера и детали жизни и быта того периода выписаны очень хорошо. В нем дано поведение в дни смуты не только «революционеров» и «забастовщиков», но и «обывателей» и либеральных предпринимателей; появление грабителей-«кошевичников»; реакция уголовных заключенных на высочайший Манифест 17 октября; работа жандармов; погромщики и многое-многое другое.

Можно даже высказать осторожное предположение, что в романе в нескольких «ипостасях» фигурирует и сам автор, отражаясь в таких персонажах как семинарист Гавриила Самсонов, распространяющий прокламации и участвующий в издании нелегальной рабочей газеты, и «нетвердый» большевик Павел Воробьев, вопреки партийным установкам склонившийся к индивидуальному террору. Что характерно – в финале романа Воробьев будет повешен в тюремном замке после неудачного покушения на графа Келлер-Загорянского. В его лице Гольдберг словно демонстративно хоронил свое эсэровское прошлое. Оно, однако, как мы знаем, не отпустило писателя.

Его трагическая и совершенно бессмысленная гибель, как кажется, лишила нас очень интересного цикла произведений, в котором должна была отразиться непростая история Иркутска конца XIX – начала XX вв. В плане Иркутского ОГИЗа на 1937 г., кроме переиздания романа «День разгорается», значилась повесть Гольдберга «Товарищи»¹⁷, которая судя по всему рассказывала о межреволюционном периоде и Февральской революции 1917 года и, может быть, уже даже была сдана в набор. Кроме того, остались упоминания о подготовке повести «Конец Московского тракта» о приходе в Иркутск Транссибирской магистрали¹⁸. От них не сохранилось ничего, кроме, возможно, двух отрывков, опубликованных в разное время в газетах – «Неправильный календарь»¹⁹ (об одной из первых маевок в городе) и «Первая весть»²⁰ (о политических ссыльных, узнающих в глухом селе о крушении самодержавия).

Утрата этих произведений (пусть бы и в черновиках) тем печальнее, что, создать их собирався мастер слова и непосредственный участник событий, который на шестом десятке своей насыщенной перипетиями жизни решил обратиться к воспоминаниям молодости поверяя их газетными и архивными материалами. А вспомнить Исаак Григорьевич мог не мало.

¹⁷ Что будет издано в будущем году // Восточно-Сибирская правда, 1936, 15 дек. (№288), С. 4.

¹⁸ Над чем работают писатели // Восточно-Сибирская правда, 1935, 27 апр. (№28), С. 4; Сибирские огни, 1935, №2, С. 221.

¹⁹ Власть труда, 1927, 1 мая (№98), С. 4, 5.

²⁰ Восточно-Сибирская правда, 1933, 4 дек. (№279), С. 3; Ангара, 1967, №5, С. 52—55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.